

В.П. Иерусалимский*

ПРАВОЦЕНТРИСТСКИЙ СЕГМЕНТ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ФРГ В ПРОЦЕССЕ ЕЕ ОБЩЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Важнейшей тенденцией современного развития ФРГ является глубинная трансформация партийно-политической системы страны, вызванная неуклонным снижением интегративного и гегемонистского потенциала народных партий (ХДС/ХСС и СДПГ). Наиболее значимым последствием этого процесса стало создание на основе восточно-германской Партии демократического социализма общенациональной Левой партии. Появление новой политической силы в первую очередь осложнило положение правящей партии, заставив лидера ХДС А. Меркель задуматься над обновлением партийной идеологии и переходом от традиционного консерватизма к реформизму современного типа. В статье предпринимается одна из первых попыток осмысления ускорившихся под влиянием мирового экономического кризиса изменений партийной ситуации в ФРГ в конце первого десятилетия XXI в.

Ключевые слова: ФРГ, партийно-политическая система, народные партии, ХДС/ХСС, СвДП, консерватизм, социал-реформизм, пяти-партийная система.

A profound transformation of the political party system occurred in Germany caused by a steady decline of the hegemonic and integrative potential of the so called "catch-all" parties (CDU/CSU and SPD). This is undoubtedly the most significant trend in the contemporary development of Germany. This decline has recently resulted in the foundation of the national Left Party on the basis of the East German Party of Democratic Socialism. The emergence of a new political power has made things especially difficult for the ruling party and forced the CDU leader Angela Merkel to think of a revitalization of party ideology and even of a shift from traditional conservatism to modern-type reformism. The article represents one of the first attempts to comprehend the changes in the German political party system at the end of the first decade of the XXI century which have been accelerated by the global economic crisis.

Keywords: Germany, political party system, catch-all parties (Volkspartei), CDU/CSU, FDP, conservatism, social reformism, five-party system.

* *Иерусалимский Вадим Павлович*, д.и.н., профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vadim-jerusalymsky@rambler.ru).

С конца 90-х гг. прошлого века, после отстранения в результате всеобщих выборов 1998 г. от власти «вечного канцлера» Г. Коля, возглавляемого им блока ХДС/ХСС¹ и либералов, после замены их новой (представлялось даже — новаторской) красно-зеленой коалицией СДПГ² и партии «Союз 90/Зеленые»³ во главе с Г. Шрёдером, собственно, и начинается история современной Германии, Берлинской республики. В той же мере, в какой атрибутом ее Боннской предшественницы на протяжении десятилетий была редкая для демократически-плюралистических обществ стабильность всей системы власти и прежде всего ее структурной основы, партийно-политической системы, для Германии наших дней характерна резко возросшая подвижность политического процесса, причем на всех уровнях — от психологических массовых поведенческих стереотипов до партийных инстанций и высших эшелонов власти. «Народные партии» ХДС/ХСС и СДПГ, казалось, навечно призванные формировать пути немецкой истории, как-то вдруг (на самом деле — совсем не вдруг!) оказались охваченными кризисными явлениями [5]. Их гегемония поставлена под вопрос продвижением в последние годы партий «второго эшелона» — либеральной Свободной демократической партии (СвДП), «Зеленых» и новорожденной (2007 г.) Лево́й партии, объединившей восточногерманскую Партию демократического социализма (ПДС) и левосоциалистические, протестные элементы в СДПГ и профсоюзах. Наигранные варианты правительственных блоков и межпартийного модуса на федеральном и земельном уровнях (тем более в контексте нелегкого сращивания «новых» и «старых» земель) изрядно обветшали и все менее способны обеспечить выход на целостные концептуальные, системные решения.

Политическую ситуацию в стране определяет (и мировой кризис 2008—2009 гг. с непреложной категоричностью это подчеркнул) необходимость модернизации государства, переосмысления его роли и функций, в первую очередь — инструментария и методов его социальной политики в условиях глобализации, усиливающейся бесконтрольности бизнеса, растущего давления демографического, миграционного, экологического факторов. Насколько в этой ситуации власть должна и может защищать свою экономическую основу и своих граждан от неконтролируемых сил и как могут и должны в меняющемся мире соотноситься экономическая эффективность и социальная ответственность государства? Очевидное в Германии снижение эффективности государственных институтов,

¹ Блок двух партий — Христианско-демократического союза (ХДС) и баварского Христианско-социального союза (ХСС).

² Социал-демократическая партия Германии.

³ Партия «Союз 90/Зеленые», или партия «Зеленых», или «Зеленые».

качества принимаемых решений, способности к проведению назревших модернизационных реформ приводят к эрозии авторитета государства, падению доверия к нему. Еще летом 2008 г., фактически на высшей для ФРГ точке экономического подъема, опросы выявили, что лишь 12% немцев «очень довольны» своей демократией и лишь 31% положительно оценивают функционирование социального рыночного хозяйства [10, Н. 25, 2008, S. 89].

Естественно, что нарастающие дисфункции и противоречия пронизывают все партии, которым в немецкой модели демократии принадлежит во всех отношениях более весомая, чем в англо-саксонских странах, роль. Именно здесь заложены наиболее глубокие корни обостренной меж- и внутривнутрипартийной борьбы, усложнения отношений с массовой базой (прежде всего с традиционными и наиболее преданными слоями), поиска всеми партиями обновленных ориентиров, в конечном счете — всего трансформационного кризиса партийной системы [1, 2, 3]. Сердцевинную суть этого процесса составляет размывание монополии на власть обеих системообразующих партий — ХДС/ХСС и СДПГ. Их авторитет и интегративная способность падают от десятилетия к десятилетию. Еще в 1980-е гг. обе народные партии вели за собой около 80% избирателей, на выборах в Бундестаг 2005 г. — около 70%, а в 2009 г. — лишь 57%. Сжатие их электоральной базы составило со второй половины 1990-х гг. около 15 млн избирателей. Подлинно системный характер кризиса высвечивается тем обстоятельством, что, в отличие от механизмов существовавшей десятилетиями квазидвухпартийности, в настоящее время ослабление роли и влияния одной из народных партий не компенсируется автоматически наращиванием потенциала другой. На двух последних общенациональных выборах, возглавив федеральную власть, они, тем не менее, устанавливали антирекорды — абсолютно наихудшие показатели с 1949 г. Сужение гегемонистского потенциала (сокращение с 1990 г. их рядов более чем на 40%, преодоление почти половиной членского состава 60-летнего возрастного рубежа) естественно подточило испытанную на протяжении десятилетий формулу федеральной власти — «народная партия» + «младший партнер». «Большая коалиция» ХДС/ХСС и СДПГ 2005—2009 гг. как попытка в безальтернативной ситуации купировать опасный процесс, блокировать назревающие перемены оказалась лишь весьма относительно успешной. Надежное парламентское большинство отнюдь не способствовало решительному продвижению по пути реформ. К середине legislatury отношения между равновеликими и по отдельности слабыми партнерами обострились, повели к взаимной блокаде, стремлению при далеко зашедшем стирании граней в повседневной политике пропагандистски резче очертить свой профиль. Не-

управляемость страны и полупаралич власти стали темой серьезных дискуссий.

Правительственный блок доминирующих партий на фоне возросших напряженности и конфликтности всей совокупности социально-экономических отношений совершенно естественно подхлестнул активизацию оппозиции, партий «второго эшелона», укрепление их влияния в представительных органах. Таким образом, был запущен механизм превращения четырехпартийной системы на Западе страны (ХДС, СДПГ, СвДП и «Зеленые») и трехпартийной на Востоке (СДПГ, ХДС и ПДС) в общенациональную пятипартийную. Это модифицировало все стороны политического процесса, наложило отпечаток на программные и политические решения, на ход избирательных кампаний 2009 г. — в Бундестаг и Европарламент.

В ситуации динамической неустойчивости системы и маловероятности возобновления «большой коалиции» в 2008—2009 гг. представлялись возможными различные варианты правительственных блоков, не исключая и самых экзотических, например черно-зеленый (ХДС + экологи). Взвешивались шансы так называемой «Ямайки» — черно-желто-зеленого блока (ХДС + СвДП + Зеленые). С точки зрения избирательной арифметики (в гораздо меньшей степени — реальной политики) теоретически не исключалась даже возможность федерального красно-яркокрасно-зеленого кабинета (СДПГ + Левая + «Зеленые»). Эта многовариантность, а также изощренность тактики и медийной самопрезентации партийных штабов и лидеров придавали избирательной кампании в Бундестаг 2009 г. своеобразный характер: предельную напряженность меж- и внутрипартийного соперничества при сознательном приглушении демонстрационного уровня и агрессивности полемики, чтобы все же не оттолкнуть окончательно потенциально возможного партнера по какой-нибудь правительственной комбинации. Общеполитический результат, т.е. партийный состав федерального правительства, оставался довольно неопределенным почти до самого появления на мониторах итогов голосования.

И что же показали первые в пятипартийной системе выборы? Уникальная расстановка партийных сил вылилась в возрождение на федеральном уровне первородной, традиционнейшей коалиции демохристиан и либералов. Логика консолидации в крупные лагеря возоблала над логикой идеолого-партийной фрагментации (в немалой степени этому способствовал разгар панических страхов в связи с мировым кризисом; его социально-психологический эффект оказался несопоставимо более широким и глубоким, чем данные немецкой статистики, вполне умеренные в международном сопоставлении). Водораздел пролегал по самым общим социально-

базисным, классовым, «мироощущенческим», социокультурным точкам. Утвердившемуся у власти, условно говоря, неолиберально-консервативному с радикально-рыночными претензиями «буржуазному лагерю» ХДС/ХСС и СвДП («коалиция мечты») во главе с А. Меркель противостоит розовато-зеленый с красными вкраплениями конгломерат, примерные контуры которого прочерчиваются приверженностью к устоявшемуся типу социального этатизма, ценностям социальной справедливости, экологичности, пацифизма, неприятием урезывания демократического пространства «полицейским государством».

Однако это весьма приблизительная характеристика лагерного размежевания. На деле, особенно после дрейфа СДПГ при Г. Шрёдере к «новой середине» и четырехлетнего правления «большой коалиции», линии ценностных и идейных расхождений и смыканий между партиями и внутри них гораздо более неопределенные, противоречивые, подчас с глубоким вторжением на «чужую территорию». Со времени канцлерства Г. Шрёдера, но особенно в годы правления А. Меркель, В. Мюнтеферинга, Ф.-В. Штайнмайера началось (через размежевания и встречные дрейфы обеих народных партий и их фракционных группировок) формирование некоего нового правительственного социал-либерального «мейнстрима» поперек партийных границ. Он развивался и уточнялся в концептуально-ценностном дискурсе и практическом сотрудничестве ведущих деятелей обеих партий (А. Меркель — В. Мюнтеферинг), в экспертном сообществе и менеджериальных кругах. Постепенно наметилось сближение руководящих группировок ХДС/ХСС и СДПГ в понимании соотношения государства и рынка, содержания социальной роли государства на современном этапе, методов и пределов дерегулирования рынка труда. Это не могло не обострить внутренние противоречия модернистских и традиционалистских внутрипартийных течений и стать тем самым одним из факторов общего ослабления обеих народных партий [6]. Особенно губительно демонтаж специфического идеолого-политического облика сказался на СДПГ. Ответом на очевидные и чувствительные для значительной части населения социальные и политические издержки подобного «усредненного» курса стали протестные выступления, радикализация значительных общественных групп и слоев и поиски левой альтернативы.

Итоги выборов 2009 г., особенно в контексте последнего раунда выборов в земельные парламенты, при всей традиционности вышедшей из них черно-желтой коалиции отнюдь не опровергли тезис о трансформации немецкой партийной системы и вызревании в ней новой динамики [3, № 2, с. 132]. Да, максимально резкий вариант выражения общего полевения через формирование «боль-

шинства слева от ХДС/ХСС» по формуле СДПГ + Левая + «Зеленые» даже в Сааре и Тюрингии (несмотря на существовавшие договоренности) не реализовался. На федеральном уровне у него, в сущности, и не было шансов. Но выборы с небывалой выразительностью продемонстрировали тяжелое состояние обоих столпов всей системы — подлинно экзистенциальный кризис у СДПГ (сокращение **вдвое** по сравнению с 1998 г. поданных за нее партийных голосов — с 20 до 10 млн) и надлом гегемонии ХДС/ХСС даже в умеренно-центристской и правоконсервативной средах. И если появление красно-яркокрасного правительства в Бранденбурге (второго после берлинского Сената) идет в русле уже определенной восточногерманской традиции, то возникновение черно-желто-зеленой «Ямайки» в Сааре, черно-зеленого Сената в Гамбурге и особенно формирование после провала ХСС в 2008 г. в Баварии первого (более чем за полвека!) коалиционного кабинета с либералами граничат с сенсацией и демонстрируют несомненные симптомы развертывающейся перестройки всей партийной системы Германии.

Кроме того, федеральное правительство, которое, казалось бы, имеет под собой более однородную социальную и идеологическую базу, чем любой из его предшественников с начала века, отнюдь не являет собой оплот стабильности и целенаправленной политической воли. Оно вообще стало возможным не как результат победы ХДС/ХСС, а как следствие катастрофического провала СДПГ и растущего безразличия электората (рекордное за всю историю падение участия в голосовании до 71% имеющих право голоса). Само формирование этого правительства и первые сто дней его работы, получившие единодушно негативную оценку общественности, — яркое тому свидетельство. Острые противоречия между партнерами, в том числе стратегического характера, к весне 2010 г. вырвались наружу. Растет напряженность в христианско-демократическом стане: модернизаторскому курсу А. Меркель (розовато-зеленого оттенка) жестко противостоит традиционалистское течение. Нельзя сбрасывать со счетов и набирающее силу общественное недовольство расширением присутствия бундесвера в Афганистане.

Таким образом, авторитет нового правительства и доверие к нему всего через три месяца после его образования весьма относительны. Данные проведенных к традиционному стодневному рубежу опросов иных толкований не допускают: за христианско-либеральный кабинет проголосовало бы всего 42% (формально-арифметически лево-зеленый блок имел бы преимущество в 8%). Это самый низкий рейтинг правительства за последнее десятилетие. Удивляет при этом острота личной тревоги респондентов из-за недостаточного, по их мнению, профессионализма министров: ее

испытывают 55% опрошенных, что соответствует уровню опасений в связи с ростом безработицы и снижением пенсий (59 и 56% соответственно) [11, 11.02.2010]. Последние опросы (март 2010 г.) выявили невероятный упадок доверия к черно-желтому кабинету: о своем недовольстве им заявили 78% опрошенных и 0% (!) — о своей удовлетворенности [11, 11.02.2010]. В меняющемся партийном ландшафте ФРГ возврат к прежним его формам и отношениям уже невозможен. На пороге второго десятилетия XXI в. в Германии сложилась устойчивая ситуация неустойчивой партийной системы, и замаскировать это архаичный правительственный блок не в состоянии.

Основной импульс к обновлению всего партийно-политического ландшафта исходил от восточногерманской ПДС в той мере, в какой ей удавалось улавливать и политически оформлять наметившийся общий сдвиг влево, расширяющийся социально-критический потенциал. Во второй половине 1990-х гг. эта партия, преодолевая жесткое сопротивление всех идеологических противников и массовую антипатию, стала сначала на Востоке страны действительно народной, по числу членов самой крупной, пользующейся поддержкой 20—30% избирателей, затем — необходимым партнером СДПГ в правительстве земли Мекленбург — Передняя Померания и в Сенате Берлина. Избавляясь постепенно от своего тоталитарного наследия времен ГДР, ПДС на выборах в Бундестаг 2005 г. установила взаимодействие с оппозиционными элементами в Объединении немецких профсоюзов и левым крылом социал-демократии и в общем избирательном блоке получила 8,7% голосов. Тем самым был сделан прорывной шаг к превращению ПДС в партию национального формата. Она все определеннее утверждалась как левосоциалистическая альтернатива СДПГ. Неоценимую роль в этой трансформации сыграла готовность такого опытного политика, как Оскар Лафонтен, возглавить нарождающуюся Левую партию совместно с ее восточногерманскими руководителями Г. Гизи и Л. Биски. О. Лафонтен из когорты так называемых внуков Брандта был председателем СДПГ в 1995—1999 гг., а еще ранее — кандидатом от этой партии в федеральные канцлеры (1990 г.). Как известно, в начале 1999 г. он пошел на демонстративный разрыв с Г. Шрёдером, сложив с себя полномочия лидера партии и федерального министра.

Подводя итоги работы «большой коалиции», авторитетный *Der Spiegel* спрашивал: «В воздухе носится вопрос: а не О. Лафонтен ли и Левая оказались подлинным мотором большой коалиции? Не он ли, в конечном счете, наложил более сильный отпечаток на содержание правительственной политики, чем А. Меркель, Х. Зеехофер, К. Бек или Ф.-В. Штайнмайер? Не повел ли страх правитель-

ства перед лозунгами левых к своеобразному упредительному послушанию?» [10, Н. 36, 2009, S. 56]. На выборах в Бундестаг 2009 г. Левая партия завоевала 11,9% и по результатам проходивших одновременно выборов в ландтаги Саара, Саксонии и Тюрингии оказалась представленной в 9 земельных парламентах из 16.

В отсутствие до сих пор официальной программы альтернативная стратегияевой партии рисуется как курс на подрыв влияния наиболее радикально-рыночных, неолиберальных фракций вокруг ХДС/ХСС и СвДП и сближающихся с ними прорыночных течений в СДПГ с перспективой формирования левореформистского экологического антимилитаристского парламентского большинства и правительства. Борьба за альтернативные решения сегодняшних задач (поддержка требования профсоюзов и СДПГ о законодательном фиксировании минимальной зарплаты, пересмотр введенного Г. Шрёдером пакета реформ социального законодательства, выход страны из военных операций за рубежом под командованием НАТО и США и пр.) должна, по представлениям ПДС, стать первым шагом продвижения к социализму. Как нетрудно заметить, такой подход — это по сути несколько осовремененные идеи структурных реформ, антимонополистической демократии, альтернативных программ социал-демократического и коммунистического движения 1960—1980-х гг. Это решительный вызов слева под так и не утратившим для части немцев привлекательности лозунгом социализма (45% западногерманского населения считают, что ему просто не повезло с реализацией) [10, Н. 34, 2007, S. 21]. Естественно, что еще на стадии формирования Левая партия начала оказывать нарастающее воздействие на внутренние процессы в СДПГ и тонус ее взаимоотношений с профсоюзной средой, на формулирование политической повестки дня. Руководство социал-демократов еще в ходе избирательной кампании 2005 г., пытаясь перехватить инициативу, включило в свою платформу большинство требований левого блока. Да и сохранение в новой Гамбургской партийной программе (2007 г.) самой категории демократического социализма (при весьма скептическом, даже отрицательном отношении к ней ведущих партийных идеологов, а также экс-канцлеров Г. Шмидта и Г. Шрёдера) во многом продиктовано нежеланием предоставить оппоненту слева монополию на эту все еще привлекательную для части электората перспективу.

Естественно, что именно СДПГ и вообще социал-критически, протестно и социал-реформистски настроенная массовая среда представляют собой адресный канал воздействия новорожденнойевой на всю партийную систему и политический процесс в целом. Вхождение в правительственный блок с социал-демократами (а возможно, и с партией «Союз 90/Зеленые») — ее этапная стра-

тегическая цель. В рамках этого курса, разумеется, имеют место и прямое целенаправленное воздействие на борьбу течений внутри СДПГ (и внутри профсоюзного движения), установление прямых контактов с отдельными ее деятелями, достижение определенных договоренностей с ними. Но это только и возможно в русле основного и главного — укрепления общего влияния Левой вплоть до правительственного уровня и обретения статуса наиболее решительного политического оппонента ХДС/ХСС.

Проблемы Левой партии, в которой после выборов вышли наружу легко предсказуемые противоречия (отставка с постов ее председателей О. Лафонтена и Л. Биски и вообще смена поколений в руководстве, трения между многочисленными группировками и пр.), и в особенности, конечно, критическая ситуация в оттесненной в оппозицию СДПГ — сюжеты для отдельного специального исследования.

В фокусе же нашего дальнейшего изложения будет находиться правоцентристский сегмент германского партийного спектра, партнеры по правительственной коалиции ХДС/ХСС и СвДП. Во-первых, они определяют настоящее и ближайшее будущее страны, а во-вторых, на этом фланге разворачиваются интереснейшие коллизии с возможными очень серьезными последствиями для всей немецкой партийной архитектоники [4].

На первый взгляд позиции христианско-демократического лагеря представляются достаточно прочными, особенно на фоне критического положения основного соперника (к весне 2010 г. СДПГ при новом, шестом за десять лет, председателе Зигмаре Габриеле так и не смогла нащупать убедительные пути к возрождению, а ее рейтинг застыл у отметки 22—23%). А. Меркель со своей «неправильной» для возглавляемой ею партии биографией (гражданка ГДР, дочь **протестантского** священника) и «не тем полом», призванная в 2000 г. на пост председателя в критический момент только для того, чтобы предельно резко **обозначить** обновление ХДС после потрясшего основы партийно-государственного миропорядка и морали скандального «дела Коля», оказалась достаточно энергичным и эффективным лидером, а затем и канцлером. Ее личный рейтинг уступает (незначительно) только рейтингу президента Х. Кёлера. Проявив разумную гибкость по отношению к социал-демократическому партнеру по «большой коалиции», она обеспечила ведущую роль своей партии в ней. Экспертное сообщество, в частности, весьма высоко оценивает проведенные экономическим блоком кабинета (министры от СДПГ — П. Штайнбрюк и О. Шолль) антикризисные меры 2008—2009 гг. Но лавры пожалала в основном единолично А. Меркель. Присоединение к ее блоку на правах младшего партнера СвДП во главе с Гидо Вестер-

велле позволило сформировать «правительство мечты», сцементированное, как предполагалось, общими буржуазно-либеральными ценностями и имеющее достаточно прочную базу в Бундестаге. И тем не менее кризис ХДС/ХСС очевиден. Его корни уходят далеко в историю страны и самой партии, в самую противоречивую природу современного консерватизма, который должен обеспечивать напряженный баланс, находиться в своего рода шпагате — быть охранительным, отстаивать и укреплять устои (примат частнособственнического интереса, авторитет власти, иерархический порядок и безопасность, стабильность семейных устоев, религиозную нравственность и пр.) и одновременно быть современным, даже модернистским, социально, политически и культурно гибким, толерантным в морально-этических и этнополитических коллизиях, увязывать национально-оградительную мотивацию с космополитическими интеграционными императивами. Таким образом, суть кризиса немецкого консерватизма и ХДС/ХСС как его основного экспонента поистине экзистенциальна.

Исторически ХДС, как известно, унаследовал от своего предшественника, католической партии Центра кайзеровских и веймарских времен, весьма солидную «межклассовую» социальную базу и в золотые аденауэровско-эрхардские времена сумел ее даже расширить. Но вот уже не одно десятилетие ее неумолимо подтачивают, дифференцируют и, в конечном счете, сужают социально-структурные сдвиги, вся меняющаяся атмосфера страны, насыщенная токами либерализма, социал-реформистской динамики, индивидуализма, агностического и морального релятивизма, космополитической открытости. Распространением современной мегаполисной культуры иссушается сама корневая система демохристианского консерватизма — социокультурная, политико-идеологическая, организационная. За последние полвека съезживалась крестьянская, мелкобуржуазная провинциалистская среда, уменьшалось влияние и политическая ангажированность церкви, утрачивали свои позиции Социальные комитеты ХДС, Католическое рабочее движение, христианские профсоюзы, околопартийные молодежные организации, землячества послевоенных переселенцев. Ранее все это образовывало плотную ткань специфической субкультуры, обеспечивало устойчивость и преемственность традиционных стереотипов, но со временем сущностные компоненты христианско-консервативной мировоззренческой конструкции ветшали. Понесла урон сама христианская концепция человека, с крахом социализма обесценился антикоммунизм. Традиционный национал-консерватизм отступил перед натиском интеграционно-глобалистского развития, европейского мироощущения молодых поколений.

В стремлении противостоять размыванию массовой социальной базы, укрепить в партии истинно христианско-католические устои в последнее время возникают инициативы и кружки фундаменталистского типа, например Содружество ангажированных католиков или Демохристиане за жизнь. Они резко упрекают партийное руководство в оппортунистическом, беспринципном желании расширить электоральное влияние в абсолютно чуждой и даже враждебной среде путем создания таких объединений, как Лесбиянки и гомосексуалы в ХДС или Немецко-турецкий форум, в то время как «подлинно консервативные начинания и сферы активности, составляющие самую суть партии, брошены на произвол случая, подвергаются придирам, поношению и уничтожению» [10, Н. 4, 2010, S. 8].

Исходной точкой идейно-политической эволюции ХДС на современном этапе и сторонники, и противники партии считают речь А. Меркель на программном лейпцигском съезде 2003 г. Бросая вызов правительству социал-демократов и «Зеленых», она с максимальной жесткостью сформулировала радикально-рыночную, антиэтатистскую, социально-рестриктивную альтернативу курсу Г. Шрёдера («Прольются слезы и зубы выбьют дрожь» — знаменитый приписываемый ей апокриф тех дней). Заслужив аплодисменты справа и пробудив надежды всех неолибералов, она чуть было не поплатилась за социальную глухоту к тревожному настрою масс, к их вылившемуся осенью 2004 г. на улицы протесту против «Харц-IV». Гарантированная, как казалось, устойчивым отрывом рейтинга от социал-демократов победа на выборах 2005 г. тогда чуть было не ускользнула. Когда же стало очевидным, что «большая коалиция» — единственная реальная формула власти и возвращения партии в нее, радикально-неолиберальная фразеология сразу потускнела, уступив место коалиционному соглашению с СДПГ. Урок оказался прочно усвоенным. На встречном движении линии шрёдеровского наследия в духе «нового лейборизма» в первом кабинете А. Меркель формируется некий комбинированный эластичный курс, а сама канцлер, стараясь избегать громких деклараций, более того — прикрываясь, насколько возможно, расплывчатыми формулировками, встает на путь обновления партии, движения к решениям социал-реформистского типа.

Подводя итоги черно-красного четырехлетия, руководитель социал-демократической фракции П. Штрук не без основания (хотя и с долей саморекламной предвыборной риторики) заявил: «многое из того, что было посеяно в красно-зеленые времена, дало благодаря социал-демократической твердости свои всходы в большой коалиции, наши министры наложили на деятельность правительства решающий отпечаток, социальная политика, а также по-

литика в вопросах труда, образования, семьи была почти чистой воды социал-демократической» [9, № 7, 2009, S. 28—29]. С противоположного фланга эту же мысль, но с совершенно другой эмоциональной окраской, высказал глава либералов Г. Вестревелле: «ХДС крайне изменился, в нем почти ничего не осталось от прежней сути <...> Он сворачивает и без того куцую “Агенду” Г. Шрёдера. Он принимает решения <...>, которые еще недавно всецело входили в ассортимент красного дьявола» [10, Н. 11, 2008, S. 32].

Под давлением партнера по коалиции канцлеру пришлось встать на путь постепенного законодательного (отнюдь не рыночного!) закрепления в некоторых отраслях ставок минимальной почасовой оплаты труда. Такие знаковые фигуры христианско-демократического лагеря, как в недавнем прошлом премьер-министр Баварии Э. Штойбер или его коллега в земле Северный Рейн — Вестфалия Ю. Рютгерс, выступили с «рабочелюбивыми» инициативами по удлинению сроков выплат неурезанных пособий по безработице старшему поколению (чем перечеркивался существеннейший элемент шрёдеровской реформы), уравниванию в этом отношении работников восточных земель с западными. Сверхинтенсивным все четыре года было пиаровское позиционирование министра по делам семьи У. фон дер Лайен как социальной совести партии, инициировавшей масштабную программу развития государственной сети дошкольных учреждений. Вместе с А. Меркель они провели существенное повышение выплат при рождении ребенка у работающих пар, заметно (особенно в 2009 г. как антикризисную меру) увеличили инвестиции в систему образования. Обострение чадолубия, перехватывание исконной социал-демократической тематики (трудящаяся женщина-мать) объяснялось просто: в 2005 г. свои голоса ХДС отдали лишь 25% женщин, а на Востоке и вообще — около 15%.

Неудовольствие вызвала у А. Меркель собственная фракция в Бундестаге, не поддержавшая правительственный законопроект о налогообложении наследств, что может увековечить его практическое отсутствие и давно уже воспринимается как социальный скандал. Громкий резонанс получило резкое осуждение лидером партии на ее съезде 2007 г. супердоходов высшего менеджмента и даже готовность их законодательно ограничить. В ответ от глав всех трех ведущих объединений предпринимателей прозвучали резкие обвинения в разрушительном для экономики характере подобных инициатив. Боссы от экономики, — прозвучало в ответ из уст канцлера, — не осознают, что «речь идет о прочности и сплоченности общества, которые суть основа демократии» [10, Н. 10, 2007, S. 26]. Реакция президента Федерального союза германской промышленности Ю. Тумана была классически и классово афори-

стична: «Усилия по насыщению статистики моралью в наш экономический строй не вписываются» [10, Н. 10, 2007, S. 26]. С началом мирового кризиса менеджерской элите были прямо предъявлены жесткие обвинения. Ряд видных ее представителей, в первую очередь широкие, весьма дифференцированные по своим интересам деловые круги, неоднозначно отнеслись к правительственному антикризисному курсу. Не без оснований они уловили в нем растущее недоверие к рыночной саморегуляции системы, заимствование некоторых социал-реформистских подходов: формирование сильного, выступающего как спаситель государства, не чуждающегося даже методов огосударствления, политико-административного вмешательства в рыночно-трудовые отношения, пересматривающего в интересах наемного труда отнюдь не второстепенные пункты законов «Харц-IV», иницилирующего прокламации и конъюнктурные программы кейнсианского толка (например, публичное заверение в первые же дни кризиса в незыблемости банковских вкладов, существенное повышение пенсий и гарантия их уровня при любых условиях) и пр.

Меры и решения, которые на первом этапе правительственного сотрудничества с СДПГ казались продиктованными соображениями чисто политической тактики, постепенно складывались у А. Меркель в достаточно принципиальную линию. К ней подтянулись в этом отношении лидер ХСС Х. Зеehoфер, премьер Северного Рейна — Вестфалии Ю. Рюттгерс, претендующий публично на лавры главного социал-демократа этой исконно пролетарской земли, Х. Грёэ, назначенный недавно генеральным секретарем и склоняющийся к идее блока с «Зелеными», и некоторые иные влиятельные деятели. Правый партийный истеблишмент, выражающий преимущественно интересы крупного и среднего бизнеса, военно-промышленных кругов, католического клира и консервативной массовой социальной базы, все острее чувствовал себя отесненным и даже преданным. Такие его представители, как Р. Кох и К. Вульф (главы правительств Гессена и Нижней Саксонии), обвиняли канцлера в опаснейшем популизме. Ф. Мерц, едва ли не основной и самый последовательный приверженец неразбавленного неолиберализма, уязвленный, покинул пост лидера партийной фракции в Бундестаге и вообще отошел от политики. Архиепископы сетуют на отчужденность и программную вялость партийного руководства: ХДС постулирует в лучшем случае приверженность к христианским ценностям, а не к вере и церкви!

Стоящие за идеологами «добротного традиционализма» когорты либералов-рыночников и так называемых ценностных консерваторов со все большим вниманием в меняющейся ситуации прислушивались к председателю СвДП Г. Вестервелле, получив-

шему расширенный плацдарм для рекламы себя и своей партии как единственных и последних столпов рынка, предпринимательства, личной свободы вообще. Разочарованные А. Меркель становились целевой группой для либеральной партии в борьбе за возвращение во власть, и осенью 2009 г. примерно 1,2 млн избирателей ХДС/ХСС отдали свои голоса СвДП (они в основном и обеспечили ее триумф) в надежде, что она станет коррективом для дрейфующих влево христианских демократов [7, 2009, S. 30].

В узком кругу канцлер оправдывала свой «левый марш» общим сдвигом всей ситуации в стране именно в этом направлении и необходимостью повести за собой «всю Середину, вплоть до левого ее края», т.е. и ту ее часть, которая в свое время качнулась к Г. Шрёдеру, а также рабочих, электоральные потери среди которых в 2005 г. составили 7%. Более строгой и политкорректной стала риторика и в отношении безработных и получателей различных пособий (ранее периодически обвиняемых в иждивенческих устремлениях), сугубая осторожность рекомендована в обращении с инаковерующими, в первую очередь — мусульманами, среди которых право голоса в современной Германии имеют 2 млн человек.

Знаком перемен стало перемещение с поста министра внутренних дел на финансовое хозяйство одного из столпов христианско-демократического лагеря Вольфганга Шойбле. Он зарекомендовал себя как максимально жесткий в германских условиях силовик, рисковавший со ссылками на угрозы терроризма рассуждать и действовать на грани конституционности. Его усилия по укреплению и централизации репрессивного аппарата, урезыванию правового демократического пространства определенно вели к формированию полицейского государства. Ему принадлежала абсолютно несовместимая с Основным законом идея использования бундесвера внутри страны, выступал он и за резкое расширение полномочий федеральной полиции (опять же вразрез с Конституцией), вынашивал планы по контролю над интернетом и даже публично размышлял об использовании пыток! После отстранения В. Шойбле на пост министра внутренних дел был назначен Т. де Мезьер — политик скорее либерального толка.

С особой рельефностью и болезненностью вся проблематика и проблематичность модернизации консерватизма, освоения им современной повестки дня и приспособления к меняющемуся историческому и социокультурному контексту выявляются на примере ХСС, баварского побратима ХДС. В этой самой южной земле вплоть до наших дней еще сохраняются весьма живая католическая субкультура, очень плотная ткань особых земляческих клановых связей, национал-патриотизм почвенного оттенка, полумонархическая верность правителю (когда-то — Ф.-Й. Штраусу,

совсем недавно — Э. Штойберу). Более полувека здесь с почти стихийной естественностью при незыблемом большинстве голосов к власти приходили однородные христианско-социальные кабинеты. Выборы в ландтаг 2003 г. принесли ХСС триумфальные 60%.

Тем катастрофичнее оказались результаты в сентябре 2008 г. — всего 43,4% голосов (минус 17% и треть мандатов!). Это был удар по всему христианско-демократическому лагерю, не предвещавший ему ничего хорошего на грядущих выборах в Бундестаг. Такое же общее значение приобрел сенсационный успех СвДП, которая на протяжении полутора десятилетий не могла преодолеть в Баварии 5%-ный барьер, а теперь получила 8% голосов и вступила в правительство! Нарастающую в этой традиционалистско-консервативной среде общую лабильность электорального поведения и партийных соотношений дополнительно продемонстрировал сенсационный успех Инициативы свободных избирателей, оттянувшей от вечноправящей партии 200 тыс. человек и с 10% голосов прошедшей в пятипартийный ландтаг. Да и Левая партия, шансы которой здесь оценивались низко, заметно приблизилась к проходному рубежу, набрав 4,3%.

Меняющиеся в правоцентристском сегменте настроения и отношения позволили либералам добиться рекордных результатов на выборах в Бундестаг 2009 г. Но непривычно долгое пребывание в оппозиции (при общем стаже причастности к высшей власти более 40 лет!) оказалось для них мучительным и опасным. Полтора десятилетия в тени монументальной фигуры Г. Коля грозили обернуться для партии утратой индивидуальности; на выборах 1994 г. ею был брошен малодушно-угоднический лозунг «Голосуй за СвДП, чтобы остался Коль!» К либералам и без того намертво приросла репутация партии-перевертыша из-за блужданий в 1950—1980-х гг. от ХДС к СДПГ и обратно. В начале пребывания в оппозиции СвДП была представлена в правительствах всего трех югозападных земель (Гессена, Рейнланд-Пфальца и Баден-Вюртемберга) и в двух ландтагах (Шлезвиг-Гольштейна и Северного Рейна — Вестфалии), а на территории бывшей ГДР она была величиной вообще неприметной. Но неожиданный социальный крен А. Меркель открыл перед либералами возможность естественного, органичного для них позиционирования себя как единственной партии подлинно буржуазных, рыночных принципов и гражданских ценностей, свобод и прав личности. Высвободить экономику из хватки государственного бюрократизма, вдохнуть через решительное облегчение налогового пресса новую динамику прежде всего в средний и мелкий бизнес, «превращенных в дойную корову», — таковы краеугольные камни либеральной предвыборной платформы. Осовременить облик СвДП должны были ныне совер-

шенно неперенные лозунги об образовании, защите природы и детей и проч. Наряду с требованием «экономической разумности» председатель стал призывать даже к «социальной справедливости», правда, в специфической либеральной его трактовке как справедливости для индивида [10, Н. 37, 2009, S. 26].

Следует подчеркнуть, что политический успех либералов при всей его обусловленности объективной ситуацией достигнут также благодаря личному вкладу лидера партии Г. Вестервелле, сумевшего постепенно вывести ее из тупика, в котором она оказалась после выпадения из власти вследствие зияющей программной пустоты, серии электоральных неудач, повергнувшего общественность в шок авантюрно-трагического «дела Мёллемана» (2002—2003 гг.), федерального экс-вице-канцлера. Г. Вестервелле уловил возможности, которые несли подвижки в партийной системе и нарастающая тревожность части избирателей, прежде всего в средне- и мелкопредпринимательской среде, вообще в так называемом прекариате — низовых, почти полупролетарских среднесловных толщах. Играя на всех подмостках (по временам — в роли содержательной парламентской оппозиции, нащупывающей нечто программное, иногда используя гламурное балагурство и демонстративно подчеркивая свою нетрадиционную сексуальность как символ неконформистской открытости всему новому), он в процессе вызревания пятипартийности и неожиданных правительственных комбинаций превратился в объект сугубого внимания со стороны почти всех партий и в одного из ключевых игроков.

Формирование христианско-либерального правительственного блока прошло в целом весьма буднично, разве что сам лидер СвДП упивался победой и говорил о «новом проекте для страны». Как и в избирательной кампании, самые острые углы (в частности, вопрос об источниках покрытия бюджетного дефицита, не согласующихся ни с одним из самых оптимистичных прогнозов экономического развития), были в коалиционном соглашении максимально смягчены или вообще вынесены за скобки. Наиболее очевидным реверансом в сторону классического рыночного либерализма стало включение в него главного требования Г. Вестервелле о снижении налога на добавленную стоимость, хотя и в несколько эластичной формулировке. В либеральном и христианско-социальном окружении А. Меркель напомнили об обязательности повторения в основополагающем правительственном документе некоторых программных установок ХДС недавних лет, когда на скамьях оппозиции политическое и идейное единодушие демокристов и либералов казалось полным: решительное облегчение налогового бремени, ревизия красно-зеленого закона о выходе страны из атомной энергетики, введение всеобщих подушевых

взносов (по существу — налога) в медицинское страхование, общая «флексибилизация» отношений на рынке труда. В изменившейся ситуации эти меры, возможно, больше не представлялись канцлеру и ее штабу столь бесспорными и приоритетными. Все комментаторы отметили, между прочим, обдуманную и беспрецедентную размытость основной части правительственной программы, оставляющую большой простор для свободы действий. Не прошли мимо внимания общественности и те легкость и формальность, с которыми съезды партий коалиции ее проштамповали.

Старт нового кабинета, несмотря на значительное ослабление страхов перед экономическим коллапсом, менее всего был овеян воодушевлением и энергией. По прошествии серии более или менее повседневных столкновений первых недель и месяцев все определенной проступала основа, глубинная и принципиальная. Былое широкое единодушие в духе рыночного радикализма времен кабинета Г. Шрёдера/Й. Фишера дало трещины. Некоторые аналитики ставят даже диагноз «структурной несочетаемости» демохристиан и либералов [10, Н. 7, 2010, S. 20]. Действительно, за прошедшие годы партии накопили существенно разный политический опыт. В то время как ХДС/ХСС в единой правительственной упряжке с СДПГ, в выработке решений на компромиссной основе, перехватывании у нее отдельных решений и целых идеологических блоков обогащался новым опытом и пытался осваивать новое социальное пространство, СвДП определенно закоснела в гордом самолюбии как блюстительницы истинных и вечных либерально-рыночных ценностей и интересов предпринимательства. Усомниться в их эффективности, осовременить аргументацию в их защиту или хотя бы пропагандистскую их подачу либералов не побудил даже мировой экономический кризис. И существенно выйти за пределы партии традиционно клиентелистского типа, обновить свою базу СвДП, естественно, не смогла. Феерический ее успех на последних выборах стал не столько этапом завоевания более широких слоев, сколько следствием потерь конкурентов. Опросы показали, насколько ситуативно-непрочным был результат: уже к началу февраля 2010 г. электорат либералов сократился почти вдвое — с 14,6 до 8% [10, Н. 6, 2010, S. 26]. А. Меркель, в свою очередь, была отнюдь не склонна для самоутверждения партнера, все еще не остывшего от предвыборной риторики и не прошедшего школы реальной правительственной деятельности, откатываться назад к жестким неолиберальным позициям, девальвировать свою линию на обновление партии и расширение ее электоральной базы. Она пришла к уверенности, что потери в традиционалистской среде в конечном счете успешно компенсируются за счет приобретений в мегаполисной культуре,

в том числе и в так называемом средненословном прекариате, разуверившихся в социал-демократии рабочих и даже в полумаргинальных социальных и этнических слоях. Отсюда довольно сдержанное восприятие ею центрального и императивного требования СвДП, оформленного как пункт правительственного соглашения, о резком снижении налогов, прежде всего на добавленную стоимость. Перед лицом огромного дефицита бюджета и единственной возможности оплачивать этот налоговый подарок предпринимателям ценой в 20 млрд евро новыми заимствованиями на годы вперед это требование выглядит демагогическим и безответственным, способным испортить модернизирующийся имидж ХДС/ХСС, безоговорочно выставить их партией сытой и процветающей части общества [10, Н. 2, 2010, S. 21]. Несмотря на ожесточенное сопротивление Г. Вестервелле, налоговая реформа, даже при ее прохождении через Бундестаг, по-видимому, реально откладывается на 2—3 года.

Для общей характеристики глубины межпартийного конфликта внутри кабинета (не менее острые, чем из-за налогов, разногласия выявились также по вопросу вывода из эксплуатации атомных электростанций, еще одного центрального пункта предвыборной программы СвДП) *Der Spiegel* вынес в заголовок резкую строку — «Противоборство двух культур». Похоже, это не чрезмерное преувеличение. Партии коалиции начинают расходиться не просто в методах решения конкретных проблем, а в общем видении основного вектора развития общества и будущего страны, в оценке социальных и политических сил этого развития. ХДС/ХСС, по основным характеристикам еще недавно консервативная, в лучшем случае — умеренно-правоцентристская партия, эволюционирует в сторону современного реформизма, вбирающего в себя существенные социальные, экологические, глобализационно-космополитические компоненты. И происходит это с удивительной быстротой, ведь еще в середине прошлого десятилетия облик христианской демократии во многом определялся такими одиозными правыми фигурами, как Дреггер, Кантер, Левандовский.

Кардинальный сдвиг во всем миропонимании лидера ХДС и ее группы заключается в утверждающемся осознании общесоциальной ответственности государства как его высшей функции, в первую очередь ответственности за обеспечение целостности социума и регулируемость его конфликтов. С этим приоритетом, за обеспечение которого приходится платить социальной уступчивостью и гибкостью, необходимо постоянно соотносить и общеэкономическую эффективность, и уровень частнокапиталистической рентабельности, и конкретные социальные меры, и политические стратегии в целом. В одном из недавних интервью «главный дви-

жуший мотив» своего курса А. Меркель определила как стремление к тому, «чтобы все в этой стране происходило бы по справедливости» [12, 31.01.2010]. Именно в этой фундаментальной точке и намечилось сближение нынешней ХДС с социал-реформистским подходом, что и подразумевают аналитики, рассуждая о «социал-демократизации» этой партии или ее лидера. Относительно А. Меркель с уверенностью можно утверждать, что ее «социал-демократизм» — это не ценностно-идеологическая с ним идентификация, не концепция коренной социальной перестройки, а почти исключительно реалистическо-прагматическое осознание того, что при иных условиях современные общество, экономика и государство малофункциональны и неустойчивы. Насколько можно судить, ее реформизм в первую очередь оградительный и лишь во вторую — социально-трансформационный. Идейная эволюция у А. Меркель включает и сугубо личностный калькуляционный момент: правительственное большинство для сохранения своей власти в любой партийной комбинации на базе консистентного неолиберализма уже не обеспечить. ХДС сегодня движется в сторону обновления ее народного имиджа, превращается в партию, способную на коалицию с любой (кроме, разумеется,левой) политической силой. Имея за плечами опыт руководства кабинетом в сотрудничестве с социал-демократами, возглавляя в настоящее время блок с СвДП, она не исключает в будущем и коалицию с партией «Зеленых».

Свободные же демократы все еще пребывают в тенетах полупрархаичного антиэтатизма, который, хотя и сохраняет под собой относительно широкую массовую социально-экономическую и социально-психологическую почву, но грозит ужаться до клиентелистской, ограниченно-сословной ориентации лишь части бизнес-кругов и секторов экономики. Для СвДП государство, бюрократия, налоги, социально-страховочные механизмы и регулирование трудовых отношений — безумно дорогостоящие и бессмысленные ограничители свободы предпринимательства, тормоз всех инновационных и динамичных сил, рассадник иждивенчества и пр. Понимание современного государства как общесоциального и общесовременного института либералам вестервеллеровского типа дается с трудом.

Трения внутри правительства, временами открытые столкновения канцлера и ее заместителя породили уже в феврале 2010 г. многочисленные спекуляции на тему о смене коалиции, о возможном новом, еще недавно казавшемся совершенно невероятным, блоке ХДС/ХСС и «Зеленых».

В этой связи весьма примечателен обоюдосторонний встречный дрейф или, по меньшей мере, углубляющийся взаимный интерес христианских демократов и партии «Союз 90/Зеленые». Это

особый сюжет в процессе общей перестройки партийно-политических отношений, весьма существенный и с возможными далекими последствиями. Во всяком случае, христианские демократы (по меньшей мере — часть их руководства) за последнее десятилетие «позеленели» не меньше, чем «покраснели».

Начать рассмотрение ситуации на этом фланге партийного ландшафта, однако, необходимо с хотя бы самой краткой характеристики партии «Зеленых» после досрочного ухода правительства Г. Шрёдера/Й. Фишера: в памяти все еще доминируют представления о ней 1980—1990-х гг. Скромная по своей численности партия (45 тыс. членов), почти исключительно западногерманская (до выборов в Бундестаг 2009 г., принесших ей рекордный результат в 10,7%, она не преодолевала 5%-й барьер ни в одной из «новых земель»), приобретает в меняющемся раскладе сил значительное влияние. Политический вес «Зеленых» подкрепляется пройденным испытанием правительственной ответственностью на федеральном уровне, а лидеры партии (во всяком случае, очень весомая их часть) готовы заплатить за возврат к власти высокую цену.

Сложность определения местоположения «Зеленых» в нынешней очень лабильной партийной диспозиции, общая характеристика партии, не говоря уже о прогнозах, заключается в том, что общий облик ее двоятся, если не троится. Это отражение сосуществования и взаимодействия в ее рамках несовпадающих социальных ориентаций, субкультур и разных поколений. В основном утратив обаяние радикально-протестной «антипартии» со специфической молодежной неконформистской средой, вобрав в себя восточногерманских правозащитников, ниспровергателей ГДР, переболев наиболее радикальными лозунгами (выход из НАТО, полный и немедленный отказ от ядерной энергетики, запретное налогообложение топлива для автомашин, неучастие бундсвера в любых зарубежных акциях и пр.), «Зеленые» к началу XXI в., возглавляемые «суперреалос» Й. Фишером, вполне встроились в структуру и правила парламентской рутинной деятельности, оказались открытыми (чтобы не сказать беспринципно готовыми) для любых правительственных комбинаций. Если в 1980—1990-е гг. естественно было рассматривать «Зеленых» как бунтующее поколение детей СДПГ с частично внесистемным анархо-экосоциалистическим мироощущением, то сегодня усиливается сходство их социокультурных характеристик с молодой порослью либералов или даже демохристиан.

После ухода с политической сцены неформального, но бесспорно яркого и доминантного лидера Й. Фишера в партии резко обострилась борьба течений и честолюбий. Переосмысление опыта участия в правительстве, жертв, которых это участие потребовало,

естественно связано с попытками нащупать новые ориентиры в условиях пятипартийности. Развал кабинета Г. Шрёдера/Й. Фишера, так и не ставшего прорывной моделью, имел для партии особое, рубежное значение, означал исчерпанность определенного проекта и его концептуальной основы. А ведь путь к нему занял без малого два десятилетия! Возобновление красно-зеленой коалиции вряд ли когда-либо станет возможным хотя бы по чисто арифметическим причинам. Возвращение экологов во власть возможно только в случае принятия ими на себя роли СвДП былых времен — роли решающей гири на весах коалиционных комбинаций. Но при этом предстоит неизбежный и весьма острый выбор: вправо или влево? Под гегемонию черных (весьма второстепенным голосом, будь то дуэт с демохристианами или трио с ними же и на равных с либералами в «Ямайке») или все же под гегемонию красных (социал-демократов и левых)? Зная историю партии и учитывая заметную за последние годы эволюцию ее состава и избирательной базы, следует признать — выбор очень непростой. При любом варианте, предполагающем частичную ревизию партийной сути и мифа, «Зеленые» вступают на недостаточно окрепший лед.

Неудивительно, что в 2007—2009 гг. на поверхность снова вышло противостояние двух исторических партийных крыльев — «реалос» (прагматиков) и «фундис» (идеологизированных ортодоксов эколога-либертарного толка). Необходимость нового самоутверждения и повышения своих акций на политической бирже в условиях утраты монополии на природозащитную проблематику объясняет очень жесткие, максималистские решения последних партийных форумов «Зеленых». Ревизии подверглось принятое под давлением авторитета Й. Фишера решение об отправке бундесвера в Афганистан, требование выхода из атомной энергетики дополнено программой закрытия к 2050 г. последней электростанции на каменном угле. Верхом предвыборного популизма стало провозглашение социальных программ стоимостью в 60 млрд евро. К радикализму подталкивает конкуренция слева в лице партии О. Лафонтена/Г. Гизи. Не для одного поколения «Зеленых» первый из них оставался носителем левой надежды «по ту сторону капитализма». Реалисты, и прежде всего отошедший от партийной суеты патриарх Й. Фишер, высоко оценивающий итоги совместного с СДПГ правления и настаивающий на преемственности красно-зеленого курса, считают рецидив левизны и фундаментализма абсолютно пагубным, чреватым маргинализацией партии.

В динамике общей партийно-политической перестройки сближение «Зеленых» с христианскими демократами — тенденция новая, оригинальная и, возможно, перспективная. Первоначально

она пробилась в периферийных и в основном молодежных кругах. Так, еще в затхлой атмосфере позднеколевского режима сложился «Пицца-коннекшен», неформальный кружок амбициозных начинающих «черных» и «зеленых», где они среди прочего непринужденно обсуждали перспективно-стратегические шансы гипотетического блока в этих цветах. С тех пор некоторые поклонники итальянской кулинарии продвинулись на заметные позиции в своих партиях. В годы канцлерства Г. Шрёдера полуконспиративные, на грани «зеленой» нелояльности, контакты существенно расширились и упрочились. Углубились мотивы взаимного интереса; в частности, среди экологистов нарастало раздражение авторитарным и несколько патерналистским стилем отношения к ним шрёдеровского кабинета. Сигналы о желании «освободиться из красно-вавилонского плена» были до А. Меркель доведены, первичный анализ шансов новой коалиции, по крайней мере в Сааре и Саксонии, сделан [9, Н. 3, 2003, S. 48—51], после чего возникли первые муниципальные общие органы в Саарбрюккене и Кёльне, «Ямайка» во Франкфурте и, наконец, земельные правительства Бремена и Саара.

Со времен мятежной юности партии в ее социальной базе произошли немалые изменения: она повзрослела (доля молодежи в ней не так уж разительно отличается от народных партий) и «посолиднела» — существенную долю ее избирателей составляют ныне специалисты (нередко частнопрактикующие), менеджеры и чиновники с высшим образованием и весомыми доходами. По последнему показателю ревнители окружающей среды и личных свобод заметно обошли ХДС и даже СвДП, издавна признанной партией «собственности и образования» (по данным 2002 г. более 30% «зеленых» избирателей имели месячный нетто-доход свыше 3 тыс. евро по сравнению с 20% у либералов). Анализ избирательных корпусов обеих партий на предпоследних выборах Бундестага вообще выявил их большую близость: у либералов лишь больше «самостоятельных» (19% против 11%), а удельный вес учащихся и служащих практически равный [10, Н. 36, 2004, S. 29]. В активе партии «Союз 90/Зеленые» все заметнее не очень большой сам по себе, но показательный по тенденции слой так называемых яппи — преуспевающих, образованных, запрограммированных на карьерный рост и личный успех молодых людей. Они рассматривают себя как современный особо квалифицированный, индивидуализированный, свободный от навязанных традиционных идеологий и стандартов новый средний слой. И им скорее импонируют проекты реформирования систем социального страхования с установкой на личную ответственность и индивидуальное преуспеяние, предлагаемые ХДС и либералами, чем традиционные солида-

ристско-этатистские механизмы. Немалая часть этих «зеленых» — выходцы из солидной буржуазной среды. Антиавторитарный пафос «поколения 68 года», жесткая конфронтация со столпами правого крыла демохристиан (В. Шойбле, Э. Штойбер, Р. Кох и др.), как и психологические шрамы и предубеждения восточногерманских диссидентов, далеки от них. Они в большой мере в традиционном смысле деидеологизированы, что и воспринимается ими как свобода и возможность выступать за провозглашенные цели наиболее рациональным, в любой комбинации сил, образом.

В то же время «зеленая» среда сплавляется некоторыми **ценностными** ориентирами, в первую очередь представлениями о необходимости триединства экономики, экологии и социальной справедливости. Историческая перспектива и идеал — экологически ответственное солидаристское общество зрелых индивидов с реально осуществленным равенством стартовых возможностей, с социально разумным, «по ту сторону дикого экономического роста», типом потребления на базе нового общественного договора XXI в., в котором утвердятся принципиально иные отношения между рынком и государством, индивидом и обществом. У «Зеленых», по мысли их идеологов, есть специфическая социально-политическая миссия: «предложить всем ощущающим себя политически бездомными проект, который свел бы воедино леволиберальную буржуазию и студенческую альтернативную среду, экономически успешных предпринимателей и активистов движения против атомных электростанций» [9, Н. 11, 2009, S. 49].

Зримым воплощением подобной перспективы могут служить приобретшие известность островки особого бытового уклада и стиля общения — подчеркнуто буржуазно-комфортных и одновременно демократичных, «альтернативных», где партия «Зеленых» опирается на весьма широкую поддержку. Это районы Митте и Пренцлауер Берг в Берлине, центр Штутгарта, университетские города Тюбинген, Дармштадт, Вюрцбург и др. Однако даже этот, все же относительно ограниченный, слой новых «зеленых» тесно связан с основной массой партии общим «левым» мироощущением, разделяемым более чем 70% ее сторонников [10, Н. 10, 2008, S. 52]. Таким образом, их примерно можно охарактеризовать как в целом активистскую гражданскую, экологическую, пацифистскую, с антибуржуазной (антитрадиционалистской) окраской, субкультуру.

Возможно, в широком русле современного среднего сословия реально складывается некая постмодернистская либерально-зеленая или даже зелено-христианская культурно-психологическая общность, удивительно сочетающая в себе сближение ценностных ориентиров с деидеологизацией, прежде всего в виде дистанцирования от узко трактуемой партийной доктрины, от унаследованной в родительской семье идеологической атмосферы. Для уточнения

местоположения партии «Союз 90/Зеленые» в меняющейся политической топографии представляют интерес данные опроса аудитории канала ARD в марте 2010 г. Перед лицом очевидной внутренней конфликтности и слабости второго кабинета А. Меркель 46% высказались за образование кабинета ХДС/ХСС и «Зеленых» (12% не определились). Естественно, сторонники правящих партий выступали за продолжение коалиции — около 70%. Но подавляющее большинство (92%) на левом фланге, и прежде всего сами «Зеленые», высказываются за блок с ХДС/ХСС! Согласны с этим и 61% сторонников СДПГ и 76% левых [11, 15.03.2010]. Вообще само проведение популярнейшим каналом такого опроса, как и появление в прессе всего через полгода после формирования второго правительства А. Меркель прогнозов и спекуляций вокруг его долгожительства и перспектив черно-зеленого сближения, симптоматичны и многое говорят об общем тоне и качестве власти, партий, политического процесса.

В целом зимний сезон 2009/2010 гг. производил впечатление некоторой общей заторможенности, осторожного обхода острых углов, щажения самолюбий, повисшей паузы. Наиболее вероятные этому причины — незавершенность, недопроявленность перестроечных процессов в партийной системе, результатов противоборств и компромиссов внутри партий и между ними, не исключая и правительственный блок. Не вполне проясненным остается вопрос о мотивах и основательности «социал-демократического» крена А. Меркель и ее ближайшего окружения, равно как и характер намечившегося «позеленения». Если в личной и глубокой озабоченности канцлера природозащитной проблематикой, которую она сделала стержневой во время своего председательствования в ЕС, ни у кого сомнений нет, то эволюция ее социально-политических воззрений не представляется столь бесспорной и даже отрицается отдельными наблюдателями, утверждающими, что она как была «несгибаемой слепой и наивной доктринеркой рыночной экономики», так ею и осталась [9, Н. 7/8, 2009, S. 40]. Итак, что же руководит А. Меркель — сугубо ситуационно-прагматическая тактика, расчетливое микширование жестко-рыночных и социальных клише или все же долговременная стратегическая линия на реальную модернизацию ХДС? Эта неопределенность (автор склоняется все же ко второму) затрудняет расшифровку подлинного смысла важных правительственных решений и заявлений, непосредственно и серьезно осложняет отношения ХДС/ХСС с партнером по коалиции.

Ситуацию политической паузы на протяжении всего первого полугодия новой коалиции обуславливало еще одно очень серьезное и сугубо ситуационное ограничение — предстоявшие 9 мая 2010 г. выборы в ландтаг самой крупной земли, Северного Рейна —

Вестфалии. А. Меркель, лидеры всех трех участников коалиции, министерские и партийные канцелярии совершенно сознательно уходили, насколько возможно, от обостренных коллизий, используя преимущественно общие фразы, приглушали и откладывали на будущее дебаты по насущнейшим вопросам (налоговая реформа и очередная перестройка системы медицинского страхования, сроки закрытия атомных электростанций, «Харц-IV» и пр.). Даже тяжеловесы неоллиберализма в ХДС/ХСС демонстрировали внешнюю лояльность курсу рейнско-вестфальского премьера Ю. Рютгерса в духе христианско-социальной этики и сугубого внимания к профессомам.

Лишь в марте два знаковых эпизода перевели межпартийную борьбу в режим предвыборной гонки. Во-первых, руководство СДПГ, стоящее перед мучительным выбором между соблюдением преемственности курса Г. Шрёдера и жизненной необходимостью дать четкий сигнал обновления (коллизия в личном плане, олицетворяемая отношениями лидера фракции СДПГ Ф.-В. Штайнмайера, сторонника экс-канцлера, с новым председателем партии З. Габриелем), наконец, решилось на внутривнутрипартийную дискуссию по двум самым болезненным и имеющим высокую символическую ценность темам: пребывание бундесвера в Афганистане и шрёдеровские реформы в социальной политике.

Во-вторых, одновременно шумно взорвался конфликт на противоположном фланге. Взаимное раздражение между А. Меркель и ее партнером Г. Вестервелле подтолкнуло последнего к открытой и грубой атаке на правительственный курс, якобы ввергающий страну в «позднеримский упадок». «Чтобы покрасоваться в ярком свете, он поджег все здание социального государства», — едко комментирует *Der Spiegel* [10, Н. 8, 2010, S. 18]. Немаловажной целью этой атаки, впрочем, было и стремление приккрыть неудачи, просчеты и бестактности главного либерала на посту министра иностранных дел (никто из его предшественников на этом посту не подвергался столь массивной критике и не имел столь низкий рейтинг). Но агрессивность его вульгарно-либералистских нападок на социальное государство, якобы плодящее иждивенцев, «вкушающих плоды благосостояния без всякого трудового вклада в него» (имеются в виду получатели пособий «Харц»), по сути представляла собой отрицание самого курса канцлера. Для А. Меркель (шире — для характеристики грани, пролегшей через буржуазную Германию) весьма характерен набор лексики, используя которую, она многократно давала резкую отповедь провокаторским поляризующим высказываниям лидера СвДП: ценностями общества являются справедливость, сплоченность, единение и даже (!) солидарность [10, Н. 10, 2010, S. 28]. Неожиданно резкий выпад против получателей социальной помощи, стремление возложить на них

ответственность за экономическое неблагополучие подводит некоторых аналитиков к обобщениям принципиального характера: натиск Г. Вестервелле может означать начало стратегической переориентации партии с «перебрасыванием мостов из благополучной Середины к традиционно податливой к искусствам правоавторитарного и шовинистического толка мелкобуржуазной среде, оказавшейся перед угрозой социальной деградации»; более того, просматривается перспектива создания справа от ХДС/ХСС экстремистки-популистской партии [8], что вполне отвечало бы известной тенденции во многих государствах Европы. Естественно, мартовские эскапады лидера либералов усугубили разлад внутри правящей коалиции, сделали ее еще более уязвимой перед майскими выборами в Северном Рейне — Вестфалии, где шансы СвДП преодолеть 5%-ный барьер нельзя было считать гарантированными.

По своему значению выборы в земле Северный Рейн — Вестфалия представлялись сопоставимыми с кампанией общенационального масштаба. Речь шла не только о судьбе ведомого христианами демократами правительства земли с 17-миллионным населением, но и о федеральной власти в Берлине: в случае победы в Дюссельдорфе СДПГ кабинет А. Меркель лишился бы большинства в Бундесрате, следствием чего неизбежно стало бы его общее ослабление, особенно в законодательной сфере, где он оказался бы в большой зависимости от оппозиции. Выборы в Северном Рейне — Вестфалии, и до наших дней самой «пролетарской» земле, во многом должны были стать для всех партий полигоном испытаний идеолого-политических тенденций и тактико-пропагандистских новинок последнего времени. Где еще, если не на берегах Рейна и Рура, может социал-демократия попытаться переломить судьбу и повести борьбу за возвращение в амплу основной партии социального и демократического прогресса?

* * *

Выборами 9 мая 2010 г. в земле Северный Рейн — Вестфалия завершился целый электоральный цикл, начало которому здесь же положило поражение весной 2005 г. руководимого социал-демократами земельного кабинета, что и вынудило тогда канцлера Г. Шрёдера объявить досрочные перевыборы Бундестага. Завершились они для него уходом с политической сцены. Этот пятилетний цикл вместил в себя две общенациональные избирательные кампании, перевыборы всех 16 ландтагов, выборы в Европарламент, бессчетные муниципальные выборы.

Результаты голосования в Северном Рейне — Вестфалии [13, 10.05.2010] исключительно ярко высветили крайнюю лабильность и внутреннюю самоблокировку партийной системы:

— стал очевиден провал христианских демократов, потери которых составили более 10% (34,6 против 44,9% в 2005 г.) и, соответственно, привели к утрате правительством А. Меркель большинства в Бундесрате;

— наметилась относительная стабилизация СДПГ — 34,5%, но все же при потере 2,6% и горестных воспоминаниях о 52,1% в 1985 г. и 50,0% в 1990 г.;

— в ситуации абсолютного блокирующего пата оказались обе народные партии (разрыв между «победительницей» и «побежденной» составил всего 6,2 тыс. голосов и не дал преимущества ни в один мандат — и ХДС, и СДПГ имеют по 67 мандатов из 181);

— Левая партия впервые преодолела с 5,6% голосов запретительный барьер и будет представлена в ландтаге в Дюссельдорфе 13 депутатами;

— главный герой выборов — партия «Зеленых» — удвоила свой электоральный вес с 5,9 до 12%. Это, как представляется, подкрепляет высказанное ранее соображение о значительной разнородности ее массовой базы: приток наверняка произошел главным образом справа, от ХДС;

— «осталась при своих» СвДП (+0,6% и итоговые 6,7%) с 13 мандатами.

При подобном раскладе формирование правительства, заведомо слабого, становится интригующей загадкой:

— из-за поражения ХДС и стагнации либералов возобновление «берлинской» коалиции невозможно (67 + 13 дают всего 80 мандатов, а нужно как минимум 91);

— «красно-зеленая», «шрёдеровская», коалиция также невозможна из-за нехватки одного голоса (67 + 23 = 90);

— «большая коалиция» обеспечивается прочным арифметическим большинством (134 мандата), но крайне проблематична политически, чревата дальнейшим ослаблением каждой из народных партий, почти самоубийственна для СДПГ. Предложенный З. Габриелем, председателем социал-демократов, еще никогда в новейшей истории неопробованный вариант «большой коалиции» под руководством его партии представляется фантастическим;

— трехпартийный «светофорный» (СДПГ + СвДП + «Зеленые») кабинет опирался бы на 103 мандата, но Г. Вестервелле не может стать младшим партнером левых, поскольку это абсолютно перечеркивало бы его центральное обещание радикального снижения налогов и превращало бы его личные амбиции и перспективы партии в нечто в высшей степени туманное;

— очевидный и многократно подтвержденный наблюдателями сдвиг в стране влево выразился в крупнейшей и во многих отношениях ключевой земле федерации в арифметическом большин-

стве мандатов «слева от ХДС» (СДПГ + «Зеленые» + Левая). Но из-за предубеждений противлевой партии (в первую очередь местного руководства экологов) этот вариант трудно реализуем, может быть в последний момент сорван, как это имело место в 2009 г. в Тюрингии и Сааре. Конечно, из арсенала межпартийной борьбы не исчезли и малопочтенные методы — например, покупка пары голосов или организация путча в рядах партии-конкурента (так было сорвано формирование «левого» кабинета в Гессене в 2008 г.).

Достаточно хорошего, работающего на стабилизацию партийно-политической системы сценария не существует. Выбор предстоит между вариантами «плохим» и «еще хуже»⁴. При этом результаты выборов на берегах Рейна и Рура несущественно отличаются от показателей ответов за последние несколько месяцев на «воскресный вопрос» о партийных предпочтениях для всей страны...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Германия. Вызовы XXI века / Под ред. В.Б. Белова. М., 2009.
2. Гутник В.П. Германия на пороге внутривнутриполитической модернизации // Новые тенденции во внутренней политике развитых стран / Под ред. К.Г. Холодковского. М.: ИМЭМО РАН, 2005.
3. Иерусалимский В.П. ФРГ: партийный ландшафт накануне выборов // Современная Европа. 2009. №2, 4.
4. Dittbner J. Die deutschen Parteien. Defizite und Reformideen // Aus Politik und Zeitgeschichte. Н. 40. 2004. S. 12—18.
5. Dittbner J. Sind die Parteien noch zu retten? Die deutschen Parteien: Entwicklungen, Defizite und Reformmodelle. В., 2004. S. 11—18.
6. Dittbner J. Große Koalition 1966 und 2005 // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zum «Parlament». Н. 35. 2007.
7. Focus. Wahl-Spezial.
8. Lucke, Albrecht von. Zehn Jahre Merkel — das Dilemma der CDU // Blätter für deutsche und internationale Politik, 2010. Н. 4. S. 9.
9. Die Neue Gesellschaft.
10. Der Spiegel.
11. Die Welt.
12. Welt am Sonntag.
13. Welt Online.
14. Zeit online.

⁴ Проведенный на следующий день после выборов институтом «Инфратест дигмап» репрезентативный для всей страны опрос отражает, скорее всего, момент ситуационный, эйфорию в связи с триумфом экологов и продвижением левой партии. Для правящей же в Берлине коалиции он принес просто катастрофические результаты: всего 39% поддержки (32% ХДС/ХСС и 7% СвДП) против гипотетического левого большинства в 56% (28% социал-демократов + 17% «зеленых» + 11% левых, подтверждающих неслучайность их успеха на выборах в Бундестаг 2009 г.) [14, 14.05.2010].